

**K.B. Tadtaev
Dialectics of Genetic Factors
and Social and Economic
Conditions
in Intelligence Formation**

The problem of national and ethnic peculiarities of creative thinking formation is analyzed. The unity of natural and social aspects in intelligence formation and the impossibility of ethnic vertical differentiation depending on intelligence level are revealed.

Key words and word-combinations: ethnos, genotype, intelligence, nation's nature, nation's temper.

Анализируется проблема формирования национально-этнических особенностей творческого мышления. Выявляется единство природного и социального в формировании интеллекта и невозможность дифференциации этносов по вертикали в зависимости от уровня интеллекта.

Ключевые слова и словосочетания: этнос, генотип, интеллект, национальный характер, национальный темперамент.

УДК 572+611/612
ББК 28.71

Х.Б. Тадтаев

**ДИАЛЕКТИКА
ГЕНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
И СОЦИАЛЬНО-
ЭТНИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ
ИНТЕЛЛЕКТА**

Проблема соотношения наследственных и средовых факторов в формировании интеллекта вызывала интерес как в прошлом, так и в настоящем [1]. Однако стремление некоторых исследователей к абсолютизации наследственных факторов в формировании интеллекта и дифференциации всех рас и этносов по вертикали в зависимости от генотипа представляется неприемлемым и научно недоказанным.

Констатация реальности национально-этнических особенностей творческого мышления не представляет значительных трудностей. Однако поиск факторов, детерминирующих формирование этих особенностей, не всегда приводит к успеху. При анализе данной проблемы необходимо прежде всего ответить на вопрос: объясняется ли национально-этнический стиль мышления генетическими факторами или обуславливается исключительно социально-экономическими условиями? Однозначный ответ маловероятен, поскольку игнорирует диалектическую взаимосвязь, взаимообусловленность генетических (биологических) и социально-экономических факторов. Начиная с 1970-х годов в психологической литературе появился ряд работ, где национально-этнические особенности стиля мышления и даже коэффициент интеллекта объясняются диалектическим

единством генетического (биологического) и социально-экономического. Утверждается, например, что дефицит питания в детстве меняет биохимию мозга настолько, что последующая нормальная диета ничего уже не может исправить. По наследству могут передаваться изменения биохимии мозга, и низкий коэффициент интеллекта (КИ) испытуемого может быть объяснен неблагоприятными условиями, в которых жили его предки в неопределенно далеком прошлом. Утверждается, что, даже если забрать детей из дома и поместить в специальные учреждения, при проверке КИ скажутся различия, в которых жили их близкие и даже далекие предки [2, с. 251].

На первый взгляд обращение к диалектике единства генетического и социально-экономического при анализе национально-этнических особенностей мышления представляется перспективным. Однако в реальности такой подход малопродуктивен в силу ряда обстоятельств: 1) нельзя реконструировать даже теоретически условия, в которых жили наши предки в неопределенном прошлом; 2) нации являются не биологическими, а социально-культурными образованиями, результатом смешения различных племен, народностей и т.д.

Этнонация может состоять из групп с различными физическими признаками. Следовательно, при анализе национальных особенностей мышления приходится обращаться исключительно к социально-историческим факторам.

О невозможности объяснения особенностей национального стиля мышления генетическими (биологическими) факторами свидетельствует тот факт, что некоторые выдающиеся философы и ученые по происхождению не принадлежат к этносу, в среде которого они творили, но в реальности им был присущ стиль мышления данного этноса. Так, выдающийся немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии И. Кант по происхождению был шотландцем. Его дед был выходец из Шотландии, переселившийся в Пруссию, по-видимому, в конце XVII или начале XVIII в. Однако Кант часто служит в истории науки примером «типичного» немецкого исследователя. Многие известные русские философы и ученые также имели предков – представителей различных этносов. Так, Густав Густавович Шпет, русский ученый, внесший значительный вклад в отечественную философию, психологию, эстетику и языкознание, по происхождению поляк. Русский философ Николай Онуфриевич Лосский также имел предков польского происхождения. Предки выдающегося русского ученого Владимира Ивановича Вернадского были выходцами из Литвы. При желании наш список можно продолжать, и в нем окажутся имена сотен известных русских ученых-философов и т.д. Однако все они, выросшие в атмосфере русской культуры, являлись носителями русского национального характера. Проблема национального характера изучается как психологами, так и философами. Большинство исследователей утверждают, что национальный характер формируется под влиянием исторических и социально-экономических условий, но при этом не исключается определенное влияние географического фактора.

Весьма оригинально для своего времени данную проблему решал знаменитый русский историк В.О. Ключевский. Он аргументированно утверждал: «...каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как

из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов, или типов, подобно тому как неодинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов» [3, с. 290]. Исследуя историю формирования русского народа, и в частности русского национального характера, он отмечал: «Рядом с влиянием природы страны на народное хозяйство Великодержавии замечаем следы ее могущественного действия на племенной характер великоросса» [4, с. 286]. Географический фактор нельзя игнорировать, но нельзя и абсолютизировать, как и любой другой фактор. Рассматривая национальный характер как совокупность более или менее устойчивых психологических черт и свойств, присущих большинству представителей данной этнонации, в то же время эти особенности нельзя абсолютизировать. В любом национальном характере проявляется диалектика национально специфического и общечеловеческого. Национальный характер этнонаций проявляется в культуре народа, в его поведении, обычаях, традициях и т.д.

В начале третьего тысячелетия проблема природы интеллекта также вызывает живой интерес. Дискуссия между сторонниками социально-средовой детерминации и приверженцами генетической детерминации интеллекта остается острой и актуальной. Показательна книга «Природа интеллекта. Битва за разум (Как формируются умственные способности)», написанная Г. Айзенком и Л. Кэмином в жанре оживленной, а подчас ожесточенной полемики, поскольку ее авторы придерживаются почти противоположных точек зрения и подчас вступают в словесный рукопашный бой, трактуя одни и те же факты совершенно по-разному. На основе эмпирического материала Г. Айзенк утверждает, как и А.Р. Дженсен в 70-е годы прошлого столетия, что «наследственность и среда объясняют различия в IQ в пропорции 80 и 20 процентов» [4, с. 312]. В противоположность Г. Айзенку Л. Кэмин на основе огромного фактического материала настаивает: «...нечего рассматривать тесты IQ как измерение интеллекта» [5, с. 194]. Не подвергая абсолютному отрицанию значимость наследственности, Л. Кэмин уверен, что в формировании определенного уровня интеллекта доминирует социальная среда.

Эпицентром бурных дебатов вокруг тестирования IQ является расовый вопрос. Айзенк, Берт, Бенетт, Раттер и другие известные исследователи утверждают, что показатели IQ белых более высоки по сравнению с негроидами и монголоидами. Так, Г. Айзенк утверждает о большой диспропорции между негроидами и европеоидами при анализе очень высоких и очень низких показателей IQ. «В количественном выражении, – пишет он, – это означает, что на уровне IQ с показателем 70 или ниже черные будут составлять 16%, а белые – 2%. На уровне 130 и выше (это примерно уровень очень способных студентов университетов) черные будут составлять 0,1%, а белые – 2%, что дает соотношение 1:20» [5, с. 136–137]. При этом Айзенк подкрепляет свои выводы материалом конкретных эмпирических исследований.

Примечательно, что Л. Кэмин на основании почти аналогичного материала доказывает диаметрально противоположное – отсутствие различий в интеллекте в зависимости от расовой принадлежности. Он убежден, что каждый чело-

век должен восприниматься как индивидуальность и оцениваться с помощью объективных критериев вне учета этнорасовой принадлежности.

В противоположность Л. Кэмину, Г. Айзенк уверен в неизбежности интеллектуального превосходства белых, и оно, по его мнению, практически не зависит от социальной среды. «За последние 20 лет, – пишет Г. Айзенк, – черные в США далеко ушли вперед в экономическом и социальном плане, даже на дальнем Юге... но разрыв в показателях IQ не исчез и даже не сократился» [5, с. 149]. Аргументация Г. Айзенка и других порой представляется убедительной, но при внимательном анализе и его работ, и трудов Дженсена, Макгерка, Берта и других обнаруживается противоречивый характер их аргументов. В 1950–1970-е годы однозначно утверждалось превосходство белых по показателям тестов интеллекта всех типов над представителями всех этносов монголоидной расы.

В последнее время положение радикально изменилось. Г. Айзенк и М. Айзенк в работе «Исследование человеческой психики» (издана на русском языке в 2002 г.) однозначно заявили на основе эмпирического материала, что «с тестами, созданными белыми психологами, китайские и японские дети (и взрослые) справляются значительно лучше, чем белые дети и взрослые» [5]. Тестированию подвергались как японцы и китайцы, проживающие в США, так и жители Японии и Китая. Чем объяснить столь радикальное изменение в интеллектуальных способностях китайцев и японцев? Вряд ли представляется уместным утверждение о радикальном изменении генотипа представителей монголоидной расы, тем более что в работах исследователей, объясняющих умственные способности исключительно генетическими факторами, речь идет о резком возрастании уровня интеллекта лишь китайцев и японцев, а не представителей монголоидной расы в целом. Г. Айзенк и М. Айзенк отмечают, что «малайцы отстают от китайцев в среднем на 15 пунктов по результатам тестов IQ» [5, с. 193].

Утверждение о радикальном изменении генотипа китайцев и японцев представляется фантастическим, но существенное изменение социально-экономического положения китайцев и японцев, проживающих как в США, так и в Азии, очевидно. Американские социологи китайского происхождения М. Чжоу (факультет социологии Калифорнийского университета) и Г. Кай, исследующие историю жизни китайской общины в США, отмечают как количественные изменения, так и качественные. С 1965 по 2000 г. община американцев китайского происхождения выросла с 237 тыс. до 2,8 млн человек. Если до Второй мировой войны китайцы США были в основном бедными, малограмотными временными работниками из сельской местности, то с 60–70-х годов XX столетия положение радикально меняется. «Китайские иммигранты, – пишут М. Чжоу и Г. Кай, – начиная с 1965 г. происходят в основном из городов. Они хорошо образованы; 42% китайцев, родившихся вне США, имеют высшее образование, в то время как белые американцы могут похвастаться только 21%. Китайцы более зажиточны, чем белые американцы: выходцы с Тайваня, Гонконга и материкового Китая имели в 1989 г. средний доход в 34 тыс., 50 тыс. и 34 тыс. долларов соответственно, в то время как белые американцы – в 3 тыс. долларов. Китайцы в США сегодня занимаются производством высокотехно-

логичных товаров, оптовой торговлей, финансами, страхованием, медицинскими услугами и т.д.» [6].

Существенно изменилось социально-экономическое положение и в КНР, где правительству удается в последнее время «обеспечить высокую динамику экономического развития, стабильное улучшение показателей уровня жизни населения» [7]. Успехи послевоенной Японии в социально-экономической сфере общеизвестны. По ключевым показателям уровня жизни современная Япония входит в группу ведущих стран мира.

Невозможно проводить жесткую, однозначную параллель между успехами в социально-экономической сфере жизни того или иного этноса или расы с повышением показателей IQ. Социально-экономические показатели, какими бы значительными они ни представлялись, никогда не приводят автоматически к немедленному изменению интеллектуального уровня представителей этноса, расы и т.д. Однако социально-экономические успехи способны существенно менять социальную среду в целом, обеспечивают высокие стандарты образования и культуры.

В связи с этим точка зрения Л. Кэмина представляется более аргументированной, убедительной, поскольку его оппоненты за генетические, расовые показатели часто принимают явления, которые объясняются прежде всего факторами социальной среды. Пример с интеллектуальными успехами китайцев и японцев в последнее время представляется не исключением, а правилом. Отдельные примеры – слабая аргументация, но подобных примеров огромное множество. Еще в первой четверти XX в. экспериментально было установлено, что «средние показатели IQ черных из северных штатов были выше, чем средние показатели IQ белых в некоторых южных штатах, что вполне согласуется с более высоким образовательным и экономическим статусом Севера» [4, с. 271]. Сторонники генетической детерминации интеллекта проигнорировали в большинстве такой важный эмпирический факт или попытались объяснить с помощью эклектики и софистики. Кроме того, показано, что черные дети, усыновленные белыми семьями с высоким социально-экономическим статусом, имели в дальнейшем отчетливо высокие показатели IQ. Менялась социальная среда, но не генотип. Подобное явление также не получило определенного логического объяснения сторонниками генетической детерминации.

При анализе работ теоретиков генетической детерминации создается впечатление, что они пойдут практически на что угодно, лишь бы абсолютизировать генетический фактор в формировании IQ и, наоборот, отрицать или принизить значение социальной среды. Особенно показательным в этом отношении дело Сирила Берта – одного из крупнейших апологетов генетической детерминации и редактора психологического журнала. Обычно отмечалось «высочайшее качество расчетов и статистических выкладок в его исследованиях» [4, с. 181]. Со временем против С. Берта было выдвинуто обвинение в мошенничестве, подкрепленное показаниями его бывших студентов (ныне видные ученые Алан и Кларк). Факт мошенничества был доказан. Фальсификация и «подтасовка данных» [5, с. 191] сэром Сирилом Бертом признана даже его соратниками (в том числе Г. Айзенком). Информация о фактах мошенничества не ограничилась академическими кругами, а получила большой общественный резонанс.

Другой сторонник генетической детерминации Гарри Мунсингер не прибегал к откровенной подтасовке данных, но неоднократно отмечалось, что «его предположения систематически смещали результаты в пользу его гипотезы» [4, с. 282].

Мы далеки от мысли Л. Кэмина подозревать всех сторонников генетической детерминации в «одержимости расизмом» или в мошенничестве. Одно несомненно: различия в показателях IQ нельзя использовать как инструмент для установления иерархии по вертикали между различными расами и этносами.

Тестирование, проведенное по одной системе, не дает оснований для выводов о степени умственной одаренности представителей различных рас и этносов. Такой подход характеризуется упрощением человеческого мышления, граничит с вульгаризмом. Результаты тестирования часто свидетельствуют не о степени умственной одаренности, а прежде всего об особенностях мышления. Так, исследования Кальциониса, Медавара и других показали, что если одна группа исследуемых доминирует в отношении гибкости мышления, то другие демонстрируют лучшие показатели в художественном воображении и т.д. Представляется совершенно оправданным утверждение Дж. Верча, что любое исследование «отражает присутствие определенных преимуществ при проведении различий между людьми, действующими в различных культурных, исторических и общественных условиях» [8, с. 43]. Интересен материал эмпирических исследований австралийского психолога Дж.М. Кирина [9], которая сравнивала показатели детей австралийских аборигенов пустыни и детей европеоидного населения Австралии. При решении задач с традиционными тестами дети аборигенов пустыни значительно уступали своим европеоидным сверстникам (возраст от 6 до 17 лет). Кирина показывала детям расположенные на доске и по-разному окрашенные элементы и просила восстановить первоначальное расположение элементов после их сборки. Дети европеоидов пытались использовать стратегию вербальных меток, и их показатели значительно уступали успехам детей аборигенов, которые не пытались использовать стратегию вербального опосредования. Они полагались на зрительные стратегии, поскольку имели определенный опыт ориентации в пустыне. Недостаток большинства подобных исследований заключается в том, что они создают преимущества одной группе и ставят в неблагоприятное положение других, поскольку подобные стратегии выходят за пределы их жизненных реалий. Нельзя не согласиться с утверждением французского антрополога Ф. Ла Платина, что «общим у людей является их способность отличаться от других, создавать в корне отличные друг от друга обычаи, языки, способы познания, институты. Если в человеке как виде и сохраняется нечто природное, то это прежде всего его способность к культурному варьированию» [10, р. 22].

Реальное единство человеческого мышления – в его разнообразных специфических проявлениях. Этнос может выделяться среди других этносов интеллектом, успехами в творческом мышлении и т.д. Разложить четко и однозначно факторы интеллектуального успеха этноса невозможно, однако при научном исследовании всегда обнаруживаются главные, основные факторы такого успеха.

Библиографический список

1. Роль наследственных и средовых факторов в формировании индивидуальных особенностей когнитивных способностей в младшем школьном возрасте / Ю.А. Давыдова [и др.] // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 3.
2. Urbach P. Progress and degeneration in «Q Debate» // British J. for The Philosophy of Science. 1974. Vol. 25, № 3.
3. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. Ростов н/Д., 2000. Кн. 1.
4. Айзенк Г., Кэмин Л. Природа интеллекта. Битва за разум (Как формируются умственные способности). М., 2002.
5. Айзенк Г., Айзенк М. Исследования человеческой психики. М., 2002.
6. Zlou M., Cai G. Chinese language media in the United States: Immigration and assimilation in the United States // Qualitative Sociology. 2002. Vol. 25, № 3. P. 419–440.
7. Страны и регионы мира: экон.-полит. справ. М., 2006.
8. Верч Дж.В. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М., 1996.
9. Kearins J.M. Visual spatual memory in Aboriginal and white Australian children // Australian journal of psychology. 1986. № 38 (3).
10. La Plantine F. L2 Antropologie. P., 1987.

Е.А. Pilipenko
Social Time: Ontological Aspect

The ontological and gnosiological significance of social time is defined. It is shown that social time is a complex intersubjective phenomenon, which is significantly different from natural time and exists only in the social space.

Key words and word-combinations: social time, social space, intersubjectivity.

Определяется онтологическая и гносеологическая значимость социального времени. Показывается, что социальное время – это сложный intersубъективный феномен, значительно отличающийся от природного времени и существующий только в социальном пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: социальное время, социальное пространство, intersубъективность.

УДК 1:316
ББК 60.021

Е.А. Пилипенко

**СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Время – сложнейший природный феномен, вместе с пространством лежащий в основании материального мира. В классической науке время наделялось особыми качествами (однородность, линейность, независимость от пространства и материи), делавшими его абсолютным и не поддающимся экспериментальным исследованиям. Только неклассическая наука (теория относительности, квантовая механика, космология) смогла определить его подлинные физические свойства и связать с другими фундаментальными природными феноменами универсальными законами.